

ПРОТОИЕРЕЙ НИКОЛАЙ ГЕРМАНСКИЙ

ЦЕРКОВЬ И ТВОРЧЕСТВО

“В начале сотворил Бог небо и землю, земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою” (Быт. 1,1-2). Когда читаешь эти строки, невольно ощущаешь некую великую и непостижимую тайну, заключённую в них. Этими словами начинается Священное Писание. Таким образом, самый первый творческий акт принадлежит Творцу, “сотворившему небо и землю” (Псалт. 145, 6). И далее мы читаем: “И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою”. В течении шести дней – периодов – совершался творческий акт, и в седьмой день Бог почил от трудов Своих, вручив их человеку. “И увидел Бог, что Он создал, и вот, хорошо весьма” (Быт. 1,31). По сути своей, седьмой день – это человеческая история вплоть до второго пришествия Христа Спасителя. Бог как бы предлагает человеку проявить все свои таланты, заложенные в нём изначально, в обустройвании Земли. Бог доверяет человеку сделать последний штрих, обожить вселенную и принести её в дар Творцу.

Однако произошло то, о чём мы прекрасно знаем, но не все одинаково в это верим. Дьявол, главный обольститель и завистник, решил обмануть человека и предложил ему стать не помощником и соратником Богу, а вовсе выбросить Его из своей жизни и занять Его место. “Вкусите... и будете, яко божи” (Быт. 3, 5), – даёт он человеку роковой совет. Что из этого вышло, мы знаем. Подобно первым доисторическим бунтарям – демонам, отпавшим от Божественной любви и застывшим во зле, – человек теряет живую связь с Богом. В результате непослушания в его природу входит грех, а затем и смерть. И вряд ли кто-то лучше Ф. М. Достоевского смог выразить суть всей человеческой истории, который устами одного из своих героев сказал: “Тут дьявол с Богом борется, а поле брани – сердце человеческое”*. И здесь, на наш взгляд, создаётся совершенно феноменальная ситуация, когда в этой битве не на жизнь, а на смерть главную роль играет не Бог, не, тем более, враг рода человеческого, а сам человек, который может помочь Богу выиграть это сражение.

Итак, главная драма истории совершается в человеческом сердце, и от того, как она разрешится, зависит конечный результат – попадёт ли человек в райские обители или он попадёт туда, где вечный “плач и скрежет зубов” (Мф. 13, 42).

Пока продолжается история Земли и личная история человека, у него остаётся шанс вернуть потерянное целомудрие. Но это возможно лишь тогда, когда он будет идти путём не разрушения, а созидания. В личном творческом

* Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Роман в 4-х частях с эпилогом. Ф. М. Достоевский. Новосибирск, “Западно-Сибирское книжное издательство”, 1984. 496 с.

акте он должен очистить себя от греха и, приняв в своё сердце Божественную благодать, стать светоносной личностью и вернуть потерянный Рай.

Вне творчества как процесса созидания Красоты жизнь как отдельного человека, так и общества становится бессмысленной. И именно в Церкви человек может максимально раскрыть свой творческий потенциал.

Разговор о культуре вообще и творчестве в частности вне Священного Писания теряет всяческий смысл. Можно с убийственной очевидностью обнаружить, что происходит с творчеством и во что оно превращается, если теряет свою сакральную связь с Творцом. А если точнее, во что превращается и чем становится сам человек, теряя живую связь с Богом. Понятно, что в Раю он не нуждался ни в философии, ни в политике, ни в науке и технике. У него не было нужды ни в изобразительном, ни в музыкальном, ни в литературном творчестве. Целомудренный, пребывающий в живом общении с Богом человек был преисполнен радости, купаясь в лучах Божественной Любви. Он был тем малым и совершенным логосом, который не нуждался ни в звуках, ни в запахах, ни в чём-либо другом, ибо был совершенен и самодостаточен, пребывая в Боге.

Нужда в культуре и в творчестве появится у человека потом, после грехопадения, когда он перестанет быть совершенным. Но потребность бессмертной души в совершенной радости останется. Удаляясь от Бога все дальше и дальше, человек неминуемо будет впадать в состояние беспамятства. Но, как было сказано выше, потребность души в общении с Вечностью останется и будет будоражить человека, заставляя его возвращаться к врожденной способности творить. Но увы, после грехопадения нарушается иерархия ценностей. Если раньше душа человека была госпожой, а тело служанкой, то теперь тело диктует душе свои условия. И в тех творческих процессах, в которых человечество пытается проявлять себя в этом мире, отчётливо отражается его разорванное естество.

“Два тысячелетия назад христианское человечество поставило перед собой задачу создать христианскую культуру и до сих пор её не выполнило”*. Эти слова принадлежат великому русскому мыслителю Ивану Ильину.

Христианская культура – это, по сути, та духовная среда, в которой человек может благостно творить и максимально творчески раскрываться, обнаруживая в себе то лучшее, что в нём изначально заложено Творцом. Здесь весьма уместно вспомнить о высшем даре, который, быть может, более всего роднит человека с Богом. Это, конечно же, огненный дар Свободы, которую можно приобрести, лишь познав Истину. “Познайте Истину, и Истина сделает вас свободными” (Ин. 8, 32) – вот Евангельские слова Христа, Который Сам есть “Путь, и Истина, и Жизнь” (Ин. 14: 6). И когда человек использует свободу по назначению, он созидает себя и окружающий мир. А используя этот великий дар не по назначению, он разрушает мир как внутри себя, так и вокруг. Сегодня семь миллиардов душ одновременно участвует в этом созидательно-разрушительном действии. Да и все остальные, рождённые на Земле от её начала, вне всякого сомнения также принимают участие в этом процессе, ибо “у Бога все живы” (Лк. 20, 38).

Может быть, тогда и придёт Господь собирать урожай, отделяя зёрна от плевел, когда сумма разрушительных актов недопустимо превысит сумму актов созидательных. И тогда в огне Вселенской Любви сгорит всякое зло, и “будет новая земля и новое небо” (Ис. 65, 17).

Итак, творчество – это способность человека созидать прекрасное. Этот процесс я назвал бы возвращением к Свету: “Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни” (Ин. 8: 12, 13).

Желая того или нет, человек неизбежно участвует в двух основополагающих для него процессах. Во-первых, он воспринимает и впитывает в себя окружающий мир во всех его проявлениях и, во-вторых, выражает в этом же мире себя и свою сущность. И никто не в силах остановить эти процессы, пока человек ходит по земле. Поэтому крайне важно помнить и понимать слова Христа Спасителя о том, что за каждое слово в своё время каждому придётся дать ответ: “Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда” (Мф. 12: 35).

Здесь Господь ставит нас перед необходимостью ответственности как перед собственной совестью, которую мы должны хранить, так и перед всем

* Ильин И. А. Основы христианской культуры. М., 2011. 704 с.

живым миром, который нас окружает и благополучие которого всецело зависит от нас.

Нужно понимать, что человек, сознательно стремящийся к Свету и духовно работающий над собой, черпает творческое вдохновение из ангельских сфер. Тот же, кто нарушает нравственные законы бытия, изначально заложенные Творцом, получает помощь от тех, которые давно перестали быть ангелами, но всячески пытаются им подражать, дабы обмануть человека. Почему после концерта классической музыки или богослужения люди становятся добрее, спокойнее, умиротвореннее, а после рок-конcertов зачастую устраивают массовые побоища и акты вандализма? Не потому ли, что рок-исполнители, тем более талантливые, нередко становятся проводниками демонической, мягко говоря, не вполне светлой энергии. Можно ли назвать музыкальную деятельность этих людей творчеством? В словах Христа “по плодам их узнаете их” мы находим ясный ответ. Чаще всего, это не творчество, а антитворчество, потому что оно несёт в себе колоссальную разрушительную силу. Не потому ли многие рок-звёзды трагически заканчивали свою жизнь? От передозировки наркотиков в молодом возрасте умерли Элвис Пресли, Джими Хендрикс, Джеймс Моррисон, Дженис Джоплин. И этот ряд можно долго продолжать. Наверняка, многие из них по-своему искали смысл в жизни и, как могли, выражали себя. Но те ощущения, которые получали они и их поклонники во время этих мнимо творческих актов, и те состояния, в которые они погружались после этого, были не блаженством, но лишь наслаждением, то есть суррогатом подлинной радости. Но думаю, что и они не были оставлены Господом, человеколюбие Которого неизреченно. В их репертуаре иногда можно было услышать удивительно мелодичные и красивые вещи, что свидетельствует о том, что Господь стучался и в их сердца, давая понять и почувствовать, что есть правда, а что есть ложь.

То же самое можно сказать и о современной живописи, литературе, да и в целом о современном искусстве, которое в своих крайних проявлениях показывает деформированное, а порой и уродливое сознание тех, кто либо специально, либо по недомыслию, выдавая свой опасный для духовного здоровья продукт за подлинное творчество, выбрасывает его на головы неопытных зрителей и слушателей.

Невольно вспоминаются слова пророка: “С преподобным преподобным будешь, а со строптивым развратишься” (Пс. 17: 26). Как внимателен и осмотрителен должен быть человек в этой жизни! И какое счастье, если он знает, для чего живет и что ожидает его в Вечности. И подлинное творчество, сила воздействия которого на душу колоссальна, должно помочь ему сделать правильный выбор: кому доверять, какую музыку слушать, какие книги читать, как одеваться. Одним словом, в каком двигаться направлении, чтобы не заблудиться и не упасть в яму, следуя за слепыми поводырями.

Когда называют творчество одарённых музыкантов, художников и писателей гениальным, так и хочется спросить: а как, в таком случае, можно назвать Творчество Того, Кто, сотворил и небо, и землю, и всех этих писателей и художников? Эти, без сомнения, одарённые люди могут лишь в той или иной степени приблизиться к отражению Красоты, которую сотворил Бог. Но показать всю Её глубину и великолепие смертному человеку не дано. Есть семь звуков и семь цветов, через которые человек, выражая свои способности и таланты, может приближаться к этой Красоте на протяжении семи дней недели. Но это может быть лишь подготовительной работой в решении главной задачи, которая поставлена перед человеком – стать богоподобной тварью, то есть докопаться до собственной святости, находящейся на последней сердечной глубине. По этому поводу святитель Григорий Богослов говорит, что “Бог стал человеком для того, чтобы человек стал богом”. А для этого существует семь Таинств, которыми живёт Церковь Христова, это неотмирное учреждение, которые святые отцы называют “небом на земле” или “закваской всему миру”. И только тогда продолжится подлинное совершенствование человека, когда от восприятия и изображения земной красоты посредством цвета и звука он придёт к творчеству духовному, может быть, самому тяжёлому, но и самому интересному и благодатному, когда, сопрягая своё земное послушание с непрестанной и искренней молитвой, он обретёт в себе не только себя настоящего, но и Самого Творца. Вспоминается случай из жизни архимандрита Софрония (Сахарова), ученика преп. Силуана Афонского. Будучи

неплохим живописцем, однажды он почувствовал, что его творчество стало преградой между ним и Богом. Он тут же оставил своё увлечение и уже на ином, духовном уровне продолжил свой творческий акт. Мы это говорим не для того, чтобы все перестали петь, рисовать, красиво и глубоко выражать свои мысли и чувства. Наоборот, мы утверждаем, что всё это необходимо для постепенного воспитания и возрастания человека, но при условии, что те, кто его воспитывает, знают верный путь к Свету.

Случай с архимандритом Софронием мы вспомнили лишь для того, чтобы глубже понять разницу между творчеством, прославляющим творение, и творчеством, прославляющим Самого Творца.

Вспоминается ещё одна красивая и назидательная история, которая, вероятно, могла случиться в петровские времена, когда через прорубленное в Европу окно в Россию хлынул поток тех образцов западной культуры, которые были глубоко чужды русскому пониманию жизненной правды. Кто-то предложил ввести в церковный обиход православного богослужения органную музыку. Богомудрые отцы сразу не отвергли это предложение, помолвившись, дали следующий ответ: “Должно воспевать Творца не инструментом, созданным человеком, а инструментом, созданным Самим Творцом”. Однако постепенно в песенном обиходе стали появляться прозападные песнопения почти со светским звучанием, которые разительно отличались по сути своей от подлинно духовных песнопений. В это же время иконописное творчество также стало претерпевать изменения. Всё более обмирщавшееся общество всё меньше понимало канонические иконы, написанные святыми иноками или по их образцам. Доходило до того, что образы святых писались с придворных барышень. Всё это свидетельствует о падении веры, которое неминуемо отражается и на церковном творчестве. При этом нужно понимать, что в начале этих деформаций лежит искажение догматического и мистического опыта Церкви. Светское чувственное песнопение, прочно обосновавшееся в Церкви, перестаёт быть ангелоподобным, а икона, написанная по законам реалистической живописи, перестаёт быть подлинным “окном в Царство Небесное”.

Можно ли назвать такое творчество церковным, и может ли оно в должной мере способствовать человеку беспрепятственно идти к Богу? Пусть каждый сам для себя ответит на этот вопрос. Но при таком положении вещей не только путь, но и Цель человеческой жизни постепенно становятся такими же туманными и расплывчатыми, каковым становится церковное, а затем и светское творчество, создаваемое духовно ослабленными людьми. И если эта тенденция получает своё развитие, то обществу, в конечном итоге, грозит деградация, и оно, по словам И. Ильина, может стать “шлаком истории”.

Нельзя не отметить того положительного факта в современной русской действительности, когда в церковную жизнь постепенно начинает возвращаться подлинно церковное творчество, которое может стать высшим образцом для тех, кто желал бы послужить Богу и ближним своими талантами.

Смею утверждать, что высокое творчество должно быть уделом каждого человека, живущего на земле, ибо каждый призван стать “новой тварью”, очистив в себе образ и подобие Божье. И тот, на наш взгляд, творчески более одарён, кто сможет максимально приблизиться в чистоте и любви к Творцу.

Святые отцы утверждают, что человек живёт тогда, когда он молится. В контексте нашей темы так и хочется сказать, что человек живёт тогда, когда он творит, то есть созидает красоту внутри и вокруг себя. И как тут не вспомнить слова святых отцов, которые говорят, что “искусством из искусств и художеством из художеств” является молитва, то есть искреннее молитвенное предстояние твари перед своим Творцом, когда в акте духовного соработничества Божественный Свет очищает и просвещает самые потаённые уголки человеческого сердца и раскрывает его главную способность – способность любить.

Но прежде чем человек созреет до подлинной любви, то есть высшего проявления личного творческого акта, он должен пройти тернистый путь. Остановимся на этом чуть подробнее. Между ремеслом и творчеством существует разница. Творчество, в отличие от ремесла, создаёт уникальный, неповторимый продукт. Молитву новоначального, которую святые отцы называют трудовой, по сути, можно назвать ремеслом. Но если молитва искренна, постоянна и сопряжена с покаянием, она меняется и становится более качественной и совершенной. А вместе с ней меняется и человек, становясь всё более

совершенным, и рано или поздно ремесло становится творчеством. А поскольку каждый человек неповторим в своей индивидуальности, то и появляется подлинное творчество открывания в себе новых и новых глубин Богопознания. А радость, которую человек испытывает в творческом процессе самоочищения и самообновления, может быть, и является главным свидетельством присутствия Боговдохновенного творчества.

В человеческом языке едва ли найдётся слово, которое могло бы отразить непостижимую сущность Творца. Наверное, Иоанну Богослову это удалось более, чем кому бы то ни было. “Бог есть Любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге” (Ин. 4,8), – сказал он. И если смыслом человеческой жизни становится Богоподобие, которое осуществляется в синергии, то есть сочетании двух волей – человеческой и Божественной, – то возрастание в Любви может быть самой главной задачей человеческого бытия. Но это, как было сказано выше, может произойти только в свободном сотрудничестве твари со своим Творцом, в результате которого уже теперь в совершенной созерцательной молитве человек в свою меру сможет увидеть Бога в Неприступном Свете, может быть, так, как Его видели апостолы на Фаворской горе, и так же, как апостол Павел, который некогда воскликнул: “Уже не я живу, но живёт во мне Христос” (Гал. 2:20).

И, может быть, главным признаком того, что человек стал творцом с маленькой буквы или богом по благодати, что, на наш взгляд, одно и то же, является то, что теперь он любит этот грешный мир со всеми его радостями и горестями, с его несовершенствами и заблуждениями, жалея его и плача о нём всем сердцем и желая спасения самому последнему грешнику, уподобляясь в этом своему Творцу.

И тогда уже задолго до второго пришествия и до собственной кончины человек становится жителем “новой земли и нового неба”, того места, где

*...уютно и светло,
И на душе всегда тепло,
Где Ангел за руку ведёт
И неземную песнь поёт;
Там, где восторгу нет конца,
Где тихая любовь Отца
Соединяет всё С собой,
Где вечны радость и покой.*

Аминь и Богу слава!